

Кружки: западники и славянофилы

Кружки играли особенно важную роль в интеллектуальном развитии России в сороковых и пятидесятых годах XIX века. В то время нечего было и думать о проведении политических идей в печати. Две или три полуофициальные газеты, выходившие с разрешения цензуры, являлись не органами политической и общественной жизни, а просто представляли печатную бумагу; в повестях, в драме, и поэме приходилось касаться всех вопросов лишь самым поверхностным образом; самые серьезные труды философского или научного характера могли быть запрещены цензурой, как и произведения более легкого характера. Единственным убежищем для обмена мнениями оставался частный разговор, и вследствие этого лучшие люди того времени примыкали к тому или другому кружку, в котором обсуждались идеи более или менее прогрессивного характера. Во главе кружков стояли люди, подобные Станкевичу (1817—1840), о котором упоминается в каждом курсе русской литературы, хотя он почти ничего не написал; значение таких людей было в том нравственном влиянии, которое они оказывали на свой кружок. (Рассказ Тургенева «Яков Пасынков» вдохновлен образом одного из таких членов кружка).

Понятно, что при таких условиях не могло быть и речи о развитии политических партий — в действительном значении этого слова. Но, несмотря на это, уже с половины XIX века резко обозначались два главных течения философской и социальной мысли, известных под именами «западников» и «славянофилов». Западники (определяя их в общих чертах) стояли за западноевропейскую цивилизацию. Россия, утверждали они, вовсе не представляет какого-то исключения в великой семье европейских народов. Ей по необходимости придется пройти через те же фазы развития, через которые прошла Западная Европа, и, таким образом, на очереди у нас стоит уничтожение крепостного права, а вслед за тем развитие тех же политических учреждений, которые развились на Западе. В их рамках смогут развиваться русские, пользуясь общеевропейской наукой и культурой. Славянофилы же, с другой стороны, утверждали, что Россия имеет свое особое призвание. Она не знала чужеземного завоевания, подобного норманнскому; она сохраняла долгое время родовой быт, и поэтому она должна развиваться своим путем, в согласии с тремя основными, по определению славянофилов, началами русской жизни, каковыми были: православие, самодержавие и народность.

Эти программы отличались большой неопределенностью, допускавшею многие оттенки и градации убеждений, и обе, конечно, развивались каждая в своем направлении. Так, к началу 60-х годов для громадного большинства западников, поддерживавших западническое направление в литературе, западноевропейский либерализм типа английских «вигов» или Гизо являлся высшим идеалом, к которому Россия должна была стремиться. Кроме того, они утверждали, что все, совершавшееся в Западной Европе во время ее эволюции — переселение из деревень в города, ужасы развившегося тогда капитализма (обнаруженные в Англии парламентскими комиссиями в сороковых годах), могущество бюрократии, развившейся во Франции, и т. д., — по необходимости должно повториться и в России: таковы неизбежные законы эволюции. Так думало, по крайней мере, большинство рядовых западников.

Но более интеллигентные и лучше образованные представители той же партии — Герцен, а позднее Чернышевский и др., — которые подверглись влиянию передовой европейской мысли, иначе смотрели на дело. По их мнению, тяжелое положение фабричных и земледельческих рабочих в Западной Европе, вызванное давлением, оказанным землевладельцами и капиталистами на парламенты, а также ограничения политических свобод, введенные в континентальных государствах Европы бюрократической централизацией, «вовсе не исторические необходимости». Россия, утверждали они, вовсе не обязана повторять эти ошибки; напротив того, она должна воспользоваться опытом своих старших сестер, и, если Россия сможет вступить в эру индустриализма, не утратив общинного владения землей, сохранив автономию известных частей империи и самоуправление «мира» в деревнях, — это будет для нее громадным приобретением. Таким образом, было бы величайшей политической ошибкой способствовать разрушению деревенской общины, скоплению земель в руках крупной земельной аристократии и допускать, чтобы политическая жизнь такой огромной и разнообразной территории, как Россия, сосредоточивалась в руках центрального правительства по идеалам прусской или наполеоновской централизации — в особенности теперь, когда силы капитализма так велики.

Подобные же градации мнений наблюдались и среди славянофилов. Их лучшие представители